

Цзян Сяочжоу всё ещё не покидал своей комнаты.

В первый день испытаний отбирали простых послушников, во второй настал черёд учеников внешнего круга, в третий — внутренних. И лишь под самый конец должна была подойти его очередь — выйти на арену и явить себя на всеобщее посмеище.

Разумеется, юноша не спешил показываться на людях. Кому охота выслушивать приторную лесть, отлично зная, что за спиной соученики вовсю брызжут ядом? Уж лучше сидеть в тишине и налаживать контакт со своим белым яйцом.

В своё время Фея Лэчи обмолвилась: чтобы этот зверь вылупился, понадобится никак не меньше десяти лет. Тогда Сяочжоу этот срок казался целой вечностью, однако годы пролетели в мгновение ока.

Его отношение к загадочному яйцу проделало долгий путь: от горячего любопытства к глухому разочарованию, сменившемуся полным привыканием. За десять лет Сяочжоу изучил его так досконально, что помнил наизусть каждую линию на матовой скорлупе.

У него даже вошло в привычку каждое утро, едва встав с постели, здороваться со своим круглым сожителем и делиться с ним каплей духовной энергии.

— Если скоро не вылезешь, клянусь, я тебя просто зажарю и съем... — Сяочжоу осторожно встряхнул яйцо, уловив едва слышный всплеск изнутри.

Направив по пальцам тонкую струйку духовных сил, он приготовился к тому, что она, как всегда, канет без следа. Но на этот раз скорлупа не осталась мёртвой. Маленький обитатель внутри внезапно откликнулся.

Казалось, какое-то крошечное мохнатое создание робко и бережно слизывает тепло его духовных сил.

Сяочжоу мгновенно подобрался и затаил дыхание, боясь резким движением спугнуть этот хрупкий контакт. Струйка силы потекла ещё тоньше и нежнее.

— Ого? — удивлённо протянул он. — Неужели обед отменяется?

Маленький белый волчонок неосознанно впитывал энергию хозяина, наливаясь жизнью. Сяочжоу продолжал бережно подпитывать его. Внезапно скорлупа качнулась, и на её безупречной белизне пролегла едва заметная, волосая трещинка.

Кроха внутри отчаянно рвался наружу.

Сяочжоу затаил дыхание. Он боялся сделать лишний вдох, боялся прервать поток духовных сил. В голове воцарился сущий сумбур.

"Почему именно сейчас? Ничего же не предвещало! Может, позвать Лэчи? Почему он медлит? Вдруг застрял? Надо влить больше сил? А если погублю избытком энергии?.. Боги, хоть бы кто-нибудь помог!"

Он чувствовал себя отцом, замершим перед дверью родильного покоя. Каждое движение скорлупы отзывалось глухим ударом в груди. Когда же яйцо окончательно раскололось, Сяочжоу обнаружил, что его спина взмокла от холодного пота.

— Пи-пи!

Маленький белый волчонок выбрался на свет, забавно балансируя с осколком скорлупы на макушке.

Он был совсем мокрым, с жалко прилипшей шерстью, забавно диспропорциональный: большая голова на крошечном тельце. Розовый пяточок носа, нежные розовые подушечки лап — ростом он едва доставал Сяочжоу до голени. А ведь Лэчи уверяла, что золотошерстные белые волки появляются на свет, уже обладая силой стадии Слияния. То есть, теоретически, этот малёк сейчас был равен ему самому.

Сяочжоу легонько ткнул пальцем в лоб детёныша. Тот покачнулся, попятился, запутался в обломке скорлупы и неуклюже повалился навзничь, смешно суча лапами в воздухе и тщетно пытаясь перевернуться.

И это, значит, мощь стадии Слияния? Преданный защитник, который порвёт за хозяина любого? И чем же он будет защищать — забросает врагов скорлупой? Да эта грозная бестия способна только жалобно пищать!

Волчонок, так и не сумев перевернуться самостоятельно, обиженно и жалобно заскулил.

Сяочжоу вздохнул, не зная, смеяться ему или плакать. Очистив его от остатков скорлупы, он аккуратно поднял мокрого замарашку на руки.

Зверёк уже сроднился с запахом хозяина. Стоило протянуть к нему руку, как он доверчиво потянулся навстречу, принимаясь усердно облизывать пальцы шершавым тёплым языком.

К этому моменту малыш наконец приоткрыл веки. Сяочжоу удивлённо прищурился, заметив, что радужка у волчонка отливает чистым, благородным золотом.

Не обнаружив на коже ничего съедобного, щенок разочарованно твякнул и уставился на юношу влажным, просящим взглядом. Намёк был яснее некуда — детёныш требовал еды.

Чем кормить новорождённого золотошерстного волка, Сяочжоу не имел ни малейшего представления. Поразмыслив, он решил, что единственное спасение — бежать за советом к Фее Лэчи.

Он наскоро завернул щенка в мягкое нижнее платье, оберегая от малейшего сквозняка. Слишком уж незащитным выглядел этот «великий зверь», напрочь сокрушив любые надежды на его врождённое могущество.

У ворот её обители Сяочжоу застал лишь мальчика-слугу. Тот удивлённо воззрился на запыхавшегося юношу:

— Молодой господин Цзян, так сегодня же общее испытание секты! Моя госпожа, само собой, ушла на Арену Боевых Искусств.

Этого мальчишку Лэчи привезла с собой из Секты Повелителей Зверей, и нравом он явно пошёл в хозяйку — отличался такой же простодушной прямоотой.

Сяочжоу с досадой хлопнул себя по лбу. Поблагодарив малого, он круто развернулся и направился к арене. Стоило ему пустить в ход технику Шагов Восхождения к Облакам, как его силуэт смазался и растаял в воздухе, оставив изумлённого слугу позади.

Когда он добрался до Арены Боевых Искусств, состязания уже кипели вовсю. Обычные ученики яростно скрещивали оружие на отведённых площадках. Сяочжоу даже не взглянул в их сторону — его взор устремился напрямик к почётным местам на возвышении.

В центре восседали его отец, Цзян Чангэ, и Лэчи. По бокам от них расположились четверо старейшин. Фигуры Мин И нигде не было видно.

"Похоже, он действительно покинул секту..."

Мысль мелькнула и тут же растаяла. Сяочжоу сосредоточил взгляд на фигуре женщины и прибег к технике передачи звука напрямую в сознание:

"Фея Лэчи! Мой волчонок наконец-то вылупился!"

Произнеся это, он почувствовал себя до крайности глупо, будто рапортовал о собственных родах.

Лэчи заметила его появление гораздо раньше. Её ответный голос прозвучал прямо у него в голове:

"Что же, поздравляю, — раздался её звучный голос. — Но я сейчас привязана к месту. Что-то

случилось?"

Сяочжоу и сам видел, что им сейчас не до него — отец даже бросил на него быстрый, извиняющийся взгляд. Он мысленно спросил:

"Чем кормить золотошерстного волчонка? Похоже, он смертельно голоден"

"Всем, в чём есть хотя бы капля духовной энергии", — лаконично бросила Лэчи.

Вопросов оставалось множество, но Сяочжоу не решился докучать ей расспросами.

"Духовная энергия..."

В мире совершенствующихся вещей, пропитанных ею, было хоть пруд пруди. Но самым чистым и концентрированным её источником оставались духовные камни. Они делились на три сорта: низшие, средние и высшие. И чем дороже был камень, тем чище и обильнее струилась из него первозданная сила.

К счастью, прямо за угодьями Секты Меча Лян'и находилась собственная богатая жила духовной руды.

Кроха в его руках вновь тихо заскулил, доверчиво лова губами его пальцы.

"Надо проверить, осилит ли он твёрдые духовные камни..."

Приняв решение, Сяочжоу развернулся, намереваясь вернуться в свою обитель. Однако стоило ему сделать шаг, как он налетел на кого-то, от кого пахло сухим, обжигающим жаром и горьковатым дымом.

— Ба, какие люди! — Послышался звонкий, надменный голос. Перед ним стоял юноша, недовольно нахмурившись. — Молодой господин Цзян, и что это за узел вы так трепетно прижимаете к груди?

Сяочжоу вскинул голову. Первым делом в глаза бросилась копна алых, словно бушующее пламя, волос Байли Фэн. Рядом с ней гордо восседал огромный двуглавый феникс — птица издала резкий клёкот и зябко нахохлилась, зыря на юношу свысока.

Поскольку Сяочжоу много времени проводил с Лэчи, он питал искреннюю симпатию к девам из Секты Повелителей Зверей. Те, годами общаясь с дикими тварями, перенимали их непосредственность — в каждом их жесте сквозила первобытная, чистая прямота. Вот и Байли Фэн сейчас демонстрировал своё презрение настолько искренне и открыто, насколько это вообще было возможно.

Вообще-то, будучи на одном пути, им следовало величать друг друга собратями по Дао. Однако упрямое «молодой господин Цзян» из его уст было чистой воды издёвкой. Этим он давал понять: без заслуг своего отца он — пустое место, не заслуживающее права зваться истинным искателем истины.

Сяочжоу, впрочем, и бровью не повёл. Во-первых, если сложить вместе обе его жизни, ему перевалило за сорок — глупо тягаться в остроумии с юным юношей. А во-вторых, принимай он близко к сердцу каждую колкость, давно бы уже исхлёстал себя плетью стыда под градом бесконечных сплетен и пересудов соучеников.

Напротив, встретив Байли Фэн, он даже обрадовался. В конце концов, он был признанным мастером из Секты Повелителей Зверей. Кому, как не ему, знать, почему хваленый золотошерстный хищник ведёт себя как обычный беспомощный кулёк?

— Фея Байли! — Сяочжоу с жаром шагнул к ней навстречу и приоткрыл полу одежды, показывая щенка. — Погляди-ка сюда. Это ведь золотошерстный белый волк...

Байли Фэн опешил от такого напора. Он прекрасно знал за собой грешок высокомерия — будучи сильным заклинателем, А-Фэн привык говорить что вздумается, плевав на чужие чувства. И Сяочжоу стал первым на его памяти человеком, который после явной колкости расплылся в благожелательной улыбке.

Он невольно опустил взгляд. Тщательно укутанный в ткань детёныш выставил наружу лишь круглую, покрытую белоснежным пухом голову. И впрямь — порода его родной секты.

— Что с ним стряслось? — Байли Фэн мгновенно почуял неладное.

Огромный феникс, почуяв интерес хозяина к этому жалкому комку шерсти, тоже сунул любопытные головы поближе. С его усыпанных пламенем когтей сорвались искры, едва не подпалив подол Сяочжоу.

Сяочжоу, обладавший двойным духовным корнем воды и пламени и годами взращивавший Огонь Сердца Лотоса, сразу оценил мощь этого огня — жар феникса был невероятно чистым. Переведя взгляд с гордого, пышущего силой исполина на слабое, пищущее недоразумение в своих руках, он мог лишь горько усмехнуться. Истинно говорят: один рождён парить в небесах, а другой — шлёпать по грязи.

— Давай отойдём в сторонку, Фея Байли. Пожалуйста, помоги мне разобраться, на тебя вся надежда, — Сяочжоу осторожно коснулся пальцами его широкого рукава, глядя на него с предельной искренностью.

Байли Фэн поначалу хотел высокомерно отказаться, но этот взгляд почему-то заставил его сердце дрогнуть. Сам не понимая почему, он молча последовал за ним.

\*\*\*

Разумеется, появление на Арене Боевых Искусств столь приметной фигуры, как Старший брат, не могло остаться незамеченным. Все тут же уставились на него.

Он пробыл на арене всего ничего, бережно баюкая какой-то странный свёрток. Но стоило ему заговорить с Байли Фэн — наречённым женихом Старшего брата Чжоу Ци — как они, шепчась, покинули трибуны рука об руку.

В ту же секунду взгляды, устремлённые на Чжоу Ци, стали... крайне двусмысленными.

По правде говоря, статус суженых между Чжоу Ци и А-Фэн был чистой условностью, скреплённой лишь устной договорённостью старших. Никаких истинных чувств между ними не зародилось.

Но учитывая давнюю вражду между Сяочжоу и Чжоу Ци, внезапный побег юноши с его главным соперником заиграл новыми красками. Неужели Старший брат решил увести жениха прямо из-под носа у гения?

Но под силу ли ему это? Да, Сяочжоу — сын главы и первый преемник Секты Меча Лянъи, однако Чжоу Ци — истинный баловень судьбы с врождёнными костями меча, умудрившийся за десять лет достичь стадии Золотого Ядра! С точки зрения долгой перспективы союз с Чжоу Ци выглядел куда заманчивее. Кто знает, быть может, со временем он покинет эти стены, воздвигнет собственный величественный замок и станет основателем новой великой школы? И тогда его избранник разделит с ним славу первопроходца.

В глубине души большинство учеников не сомневались: рамки родной обители слишком тесны для Чжоу Ци, и рано или поздно он улетит на вольные хлеба.

С другой стороны, юноша мог просто прельститься смазливym личиком Сяочжоу. Пусть в делах совершенствования Старший брат и слыл никчёмным «расписным кувшином», внешностью его природа не обделила. Юный господин вполне мог потерять голову от столь утончённого лика.

Хотя, если судить непредвзято, Чжоу Ци тоже не уступал ему статью: волевой разлёт бровей, пронзительный взор, горделивая осанка. Сяочжоу на его фоне казался просто бледным изнеженным хлыщом, в то время как от Чжоу Ци веяло силой истинного мужа.

Жаждающие зрелищ соученики оживлённо шушукались и строили глазки, с головой погружившись в пучину сладких сплетен. В их воображении уже вовсю разыгрывалась нешуточная драма: смертельная схватка двух соперников за сердце гордого красавца. До самих поединков на Арене Боевых Искусств теперь мало кому было дело — все взоры косились в сторону Чжоу Ци.

Сам Чжоу Ци, разумеется, и не догадывался, какими небылицами полнятся умы соучеников. Тем не менее, едва Сяочжоу появился у арены, как Чжоу Ци мгновенно заметил его приметную фигуру.

Этот лоботряс бережно прижимал к груди какого-то детёныша. Затем налетел на А-Фэн, переговорил с ней — и они ушли прочь.

Чжоу Ци молча проводил их взглядом.

"С чего вдруг они ушли вместе? А-Фэн — мой верный союзник, а Сяочжоу... Кто он мне?"

"Да и кем вообще для меня стал Старший брат?"

Меч в руке Чжоу Ци, чутко отозвавшись на смятение в душе хозяина, издал едва слышный жалобный звон.

Он наложил ладонь на эфес, заставляя оружие смолкнуть. В груди поднялась мимолётная, смутная горечь, но Чжоу Ци привычным волевым усилием подавил её, вернув лицу маску ледяного спокойствия.

<http://bllate.org/book/20178/2131562>